

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.922
DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-78-88
<https://elibrary.ru/ktdcig>

EDN: KTDCIG

Софизмы административного права

О. А. Бухтоярова

Старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: olbutu@rambler.ru

Аннотация: в статье рассматриваются софизмы административного права, которые превращают гражданские и трудовые отношения в публичные. Раскрывается понятие и виды софизмов, способы их опровержения, а также методология правовой квалификации отношений. Проводится разграничение между трудовыми и административными правоотношениями в сфере государственной и муниципальной службы.

Ключевые слова: софизмы; административное право; публичные правоотношения; государственная служба; муниципальная служба; трудовое право; гражданское право

© Бухтоярова О. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Sophisms of Administrative Law

O. A. Bukhtoyarova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: olbutu@rambler.ru

Abstract: *the article examines sophisms of administrative law that transform civil and labor relations into public ones. This work elucidates the concept and types of sophisms, methods for their refutation, as well as methodology for legal qualification of relationships. A distinction is made between labor and administrative legal relations in the sphere of state and municipal service.*

Keywords: *sophisms; administrative law; public law relation; civil service; municipal service; labor law; civil law*

Размывание границ частного и публичного права в отношениях с государством влечет за собой риски подмены трудовых и гражданских прав административными, что ухудшает положение граждан и служащих (потеря гарантий трудового права, расширение дискреции должностных лиц органов публичной власти, коррупционные риски). Основной причиной подмены является не просто ошибка, а использование или возможность использования специфических логико-юридических софизмов в правотворчестве и правоприменении. В связи с этим необходимо выявить и классифицировать софизмы в административном праве, ведущие к такой подмене, а также сформулировать способы их выявления и опровержения.

Для юриспруденции, как гуманитарной науки об обществе, характерен словесно-рациональный путь познания действительности, где одним из решающих факторов объективного подхода в исследовании оснований познания являются логика и риторика. Набор абстрактных фиксаций в виде законов или принципов позволяет нам через Логос и Слово упорядочивать общественные отношения. Однако софизмы, будучи ложными умозаключениями, формально кажущимися верными, всегда могут присутствовать в коммуникации индивидов.

Кеннет Берк, отмечая основную функцию риторики – «использование слов одними агентами для формирования установок или побуждений к действиям других»¹, приводит показательный пример. Он утверждает, что учителя при изложении каждого понятия учебного процесса используют едва заметную интонацию в голосе, безошибочно намекающую учащимся: «Это то, чего вы должны придерживаться, если вы придерживаетесь правильного взгляда»². Далее он выводит, что «тональности» всегда содержатся в текстах и именно посредством «тональностей» происходит

¹ Берк К. Риторика мотивов. К философии Новой риторики / пер. с англ. С. Э. Зверева. СПб.: Алетейя, 2025. С. 74.

² Там же. С. 155–156.

убеждение читателя, если тот не анализирует разумность доводов. Эти «тональности» представляют собой «чистые апеллятивы», тонко воздействующие по принципу эмпатии; они суггестивны³, имеют без основания силу допущения.

Исследуя софистику в классическом философском дискурсе, А. П. Краснополянская определяет ее как видимость философии, неистинное словесное рассуждение в жанре эпидейктического красноречия, основанное на изолированном релятивизме и прагматизме. Софистика задает пространство возможного домысливания, интерпретации, поэтому она обладает манипулятивным потенциалом, для которого важна многозначность слов и свобода слова. Для софистики ценно пограничное, необычное, незапное, поэтому в ней присутствует «спор ради спора». Убедительность речи во многом связана с «зачарованностью» речью. В софистической аргументации кристаллизуется новая эстетическая категория «экфрасис», чьей главной характеристикой является чрезмерность по отношению к возможности ясного понимания⁴. При этом А. П. Краснополянская выделяет и положительные моменты в древнегреческой софистике, которой введено понятие аргумента и разработано опровержение через доведение до абсурда путем преувеличения.

К. Х. Рекош, исследуя искусства эристики, диалектики и софистики, находит у Сократа критику софистов за их приемы: «Они ловят “в словесные силки”. ...Играют словами, используя двойные смыслы и многозначность слов»⁵.

О. А. Егорова, анализируя античную философию, делает вывод, что софизм стал характеристикой «мнимых доказательств, в которых заключение только кажется обоснованным в силу субъективного впечатления, обусловленного недостатком логического или семантического анализа. <...> ...Особенностью субъективного подхода софистов в познании стало сосредоточение внимания на разработке разнообразных познавательных приемов в виде уловок и ухищрений, связанных с многозначностью слов и подменой понятий»⁶. Она приводит данное Б. Грязновым определение искусственного доказательства софистов, которое есть «доказательство только по видимости, а по сути это процедура убеждения, формирующая веру»⁷.

В. М. Блейхер, рассматривая паралогическое мышление, дает классификацию основных видов паралогизмов: ошибки в связи с подменой доказываемого тезиса, ошибки в основании доказательств и ошибки в способе доказательства. Им присуще общее – это рассуждения, идущие в обход нормальной логики, не считающиеся с объективной реальностью. Ученый выделяет несколько видов паралогического мышления, которые построены на «фонетическом сходстве понятий», «замене понятий по типу ассоциаций», «логических изъянах, ошибочных доказательствах, погрешностях в аргументации, в исходных положениях»⁸.

³ От англ. *suggestive* – намекающий, внушающий.

⁴ Краснополянская А. П. Эпистемологический анализ софистики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2005.

⁵ Рекош К. Х. Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки правового дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С. 217.

⁶ Егорова О. А. Рационализм и релятивизм в исследовании проблемы оснований познания в античной философии: логика и софистика // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 11. С. 131.

⁷ Там же. С. 133.

⁸ Блейхер В. М. Паралогическое мышление. URL: <https://ncpz.ru/lib/1/book/87/chapter/14>.

Е. Н. Лисанюк выяснила, что анализ и обсуждение софизмов считались неотъемлемой частью средневековой «современной логики». Исследуя софизмы, она пришла к заключению, что «софистический прием и софистическая дискуссия есть преднамеренное злоупотребление доверием и эпистемическим неравноправием агентов»⁹. Особенно опасным фактором Е. Н. Лисанюк считает эпистемическое неравноправие участников речевых взаимодействий, в которых присутствует нелегитимный способ убеждения – манипуляция и давление на собеседника, не являющиеся аргументацией. В итоге она резюмировала, что средств, достаточных для предотвращения ситуации, когда допустимый прием аргументации или процедурно легитимная беседа на проверку оказываются софистическими, не существует. В этом состоит пессимистический вывод исследования. Эффективность аргументации есть совместная когнитивная задача ее участников.

Аристотель классифицировал софизмы на два вида: от оборотов речи (погрешности в речи) и не от оборотов речи (паралогизмы). Он выделял те, которые возникают из-за наличия изъяна в их определении – например, когда опущены отдельные части или обойдена какая-то отдельная часть, и те, которые опираются на чувственное восприятие¹⁰. Также он утверждал, что в каждом искусстве есть свои софизмы: например, в геометрии – геометрические, во врачебном искусстве – врачебные. В своей работе «О софистических опровержениях» античный философ писал, что тот, кто рассуждает ради спора и желая одолеть, преследует пять целей: опровержение, ложное, несогласующееся с общепринятым, погрешность в речи и принуждение собеседника к пустословию¹¹. Исследуя методы опровержения софизмов, Аристотель рассудил, что объективные выводы из определения можно делать тогда, когда заключение вытекает из посылок (данных) с необходимостью, а не только по видимости, а затем следует смотреть, соответствуют ли они частям определения. Он утверждал, что всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания, ибо если вообще не знают, что это есть, то как можно вообще об этом рассуждать. «...Если знание таково, как мы установили, то и доказывающее знание необходимо исходит из истинных, первых, непосредственных, более известных и предшествующих [посылок], то есть из причин заключения», так как «есть не только наука, но и некоторое ее начало, благодаря которому нам становятся известными определения»¹².

Эпистемическое неравноправие и манипуляции, описанные Е. Н. Лисанюк, в праве могут реализовываться через навязывание ложного отраслевого регулирования. Многозначность слов, очерченная А. П. Краснопольской, в праве недопустима, но используется в софизмах, когда одно и то же явление, например занятость в органе публичной власти, именуется по-разному – то «трудом» (частное), то «службой» (публичное).

⁹ Лисанюк Е. Н. Софистика – это не аргументация // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, № 2. С. 282.

¹⁰ Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А. Кубицкого. М.: АСТ, 2024. С. 542.

¹¹ Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 537.

¹² Аристотель. Вторая аналитика // Сочинения: в 4 т. Т. 2. / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 259, 262.

В юриспруденции, где точность дефиниций имеет нормативное значение, ошибки в определении правоотношений ведут к искажению их правовой природы. Особенно важна однозначность терминологии и определений в праве, так как именно от их восприятия рождаются умозаключения. Следовательно, терминология и определения должны формулироваться таким образом, чтобы исключать возможность построения софизмов. Поэтому К. В. Чеснов подчеркивает, что «терминология представляет собой важный правовой инструментарий для построения и развития любой системы права. В использовании адекватной описываемому явлению терминологии необходимо закладывать глубокий теоретический и практический смысл»¹³.

Возьмем за аксиомы в юриспруденции Всеобщую декларацию прав человека¹⁴, Конституцию Российской Федерации¹⁵ и общепризнанные основополагающие отрасли права: гражданское право, трудовое и административное.

Нам очевидно, что отрасли права мы разграничили по присущим только им признакам, что создает особое отраслевое правовое регулирование. В каждой отрасли права присутствуют свои элементы нормативно-правового множества, по которым мы и определяем правоотношения: понятие, предмет, метод правового регулирования, стороны, принципы и т.д.

В частности, гражданское право основано на равенстве сторон отношений и договорных началах, где в соответствии со статьей 124 Гражданского кодекса РФ¹⁶ органы публичной власти выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. Закон о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹⁷ также раскрывает понятие терминов «государственный контракт» и «муниципальный контракт» в порядке гражданско-правового договора, а не правового акта административного права.

Трудовое право основано на праве на свободный труд и иждивении работника по отношению к работодателю. В трудовых отношениях присутствует управленческая, «властная» деятельность работодателя вместе с его локальной «администрацией» и правилами внутреннего трудового распорядка, с правом привлекать работника к дисциплинарной ответственности, крайней мерой которой выступает увольнение работника.

Административное право основано на отношениях власти и подчинения, возникающих между органами публичной власти и их должностными лицами, а также

¹³ Чеснов К. В. Конституционно-правовая институционализация системы исполнительной власти в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 11.

¹⁴ Всеобщая декларация прав человека: принята Ген. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.

¹⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.

¹⁷ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ: принят Гос. Думой 22 марта 2013 г.: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г.

лицами, наделенными отдельными властными публичными компетенциями, и неопределенным кругом лиц по поводу осуществления полномочий исполнительной власти. В административном праве присутствует административная ответственность граждан и юридических лиц как метод принуждения в контексте обеспечения исполнения законов, решений и иной деятельности органов публичной власти, а также как метод предупреждения совершения новых административных правонарушений.

Первым софизмом административного права можно считать «опубличивание» всех общественных отношений с участием органов публичной власти.

Если мы рассуждаем и делаем умозаключение, что все отношения, возникшие с участием органов публичной власти, являются публичными административными правоотношениями, – это и есть софизм, основанный на фонетическом созвучии и сходстве словосочетаний «органы публичной власти» и «публичные отношения». В этом случае исчезает гражданское и трудовое право с участием органов публичной власти и повсеместным становится публичное административное право, то есть происходит «опубличивание» и, соответственно, упразднение каждой отрасли права с участием органов публичной власти.

Второй софизм возникнет тогда, когда в современной российской правовой системе легально закрепится категория «административный договор». Это приведет к коллизии отраслей права, поскольку в самом определении заложено противоречие: для субъектов общественных отношений будет одновременно присутствовать и свобода договора на равных (гражданское право), и отношения власти и подчинения (административное право). В конечном счете получится, что для органов публичной власти уже не будет гражданского договора с контрактной системой в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд в порядке конкурсов, аукционов, а вместо этого появится договор, основанный на властном административном усмотрении органов публичной власти, от которого мы как раз стремимся уйти посредством конкурсов, аукционов в целях пресечения коррупции. Если это не так, тогда зачем вообще пытаться создавать и выделять такую категорию?

В то же время, как мы установили в законе, государство в гражданском праве вступает в имущественный оборот не как суверен, а как равный субъект на основании статьи 124 Гражданского кодекса РФ. Следовательно, вывод об «административности» договора будет ложным, поскольку он основан на внешнем признаке (участие чиновника и его административное усмотрение), а не на методе регулирования отрасли гражданского права (равенство сторон).

Третьим софизмом можно считать «опубличивание» государственной и муниципальной службы, где сведение службы к публичной внешней деятельности упраздняет ее внутреннюю трудовую природу. Иными словами, публичный характер результата деятельности выдается за публичный характер самих отношений найма. В этом случае происходит ошибка в основании доказательства (игнорирование трудовой природы найма).

В современном законодательстве с 2003 года для государственных гражданских служащих уже нет трудового договора, а есть служебный контракт на основании приказа о приеме на службу (ст. 26), из которого возникает особый характер профессиональной служебной деятельности, а не работа по найму за заработную плату.

Однако органы публичной власти вступают в общественные отношения посредством их организации в юридические лица. Ни одно должностное лицо органа публичной власти не может входить в общественные отношения самостоятельно, как единственное физическое лицо и публичная власть в одном лице: без полномочий публичной администрации, без недвижимого имущества и офиса с конкретным адресом, без бухгалтера и расчетного счета в банке, без компьютеров и специалистов в сфере информационных технологий, без канцелярии и секретариата, без государственных и муниципальных служащих, без автомобилей и водителей служебного транспорта, без уборщиков служебных помещений и т.д. Следовательно, юридическое лицо, являясь юридической фикцией, включает в себя конгломерат разных физических лиц, действующих для достижения тех целей, ради которых оно создано учредителем. Деятельность юридического лица осуществляется под руководством конкретного руководителя, нанятого учредителем. Руководитель (должностное лицо, обладающее организационно-распорядительной компетенцией по отношению к подчиненным по службе (работе) лицам) отвечает за выполнение возложенных на него задач, но не один лично, а посредством делегирования полномочий своим подчиненным, то есть работникам (служащим), которых он, в свою очередь, нанимает. За выполнение возложенных поручений руководитель выплачивает им денежное содержание (заработную плату). При этом на каждого работника (служащего) руководитель может налагать дисциплинарные взыскания за ненадлежащее выполнение поручений или за нарушения внутреннего трудового (служебного) распорядка. Поддержание трудовой (служебной) дисциплины в пределах юрлица в порядке, оговоренном в законе, необходимо для надлежащего выполнения поставленных задач. Самое строгое дисциплинарное наказание – это увольнение с работы (службы) по дискредитирующим основаниям, так как возникает угроза существования в обществе без средств к существованию. В современном мире уже нет натурального хозяйства с замкнутым циклом, позволяющего обеспечить выживание себя и своей семьи, а существует обмен товаров, работ и услуг посредством платежных денежных средств.

Ю. В. Васильева и М. А. Драчук, рассматривая современные отношения, входящие в предмет трудового права, выделяют следующие их признаки:

- подчинение работников правилам внутреннего трудового распорядка (управленческая власть работодателя);
- личный характер обязательства по трудовому договору;
- иждивение работника, где работодатель обязан обеспечить работнику надлежащие условия труда;
- зачисление работника в штат по определенной должности, профессии;
- возмездный характер труда и регулярность оплаты труда;
- обязательное выполнение работы под управлением и контролем работодателя и в его интересах;
- интегрированность работника в организационную структуру работодателя¹⁸.

¹⁸ Васильева Ю. В., Драчук М. А. Отношения, входящие в предмет трудового права: современное состояние и необходимость изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4 (66). С. 625–644.

Анализ приведенных признаков показывает, что все они в полной мере присущи и отношениям на государственной и муниципальной службе. При этом закон о муниципальной службе основан на терминах-словосочетаниях в едином значении: «трудовой договор (контракт)», «представитель нанимателя (работодатель)», «оплата труда в виде денежного содержания». Для государственной службы трудовое право законодательно применяется через аналогичные определения-синонимы, например «служебный контракт», «денежное довольствие», «правила служебного распорядка».

Если в законе о системе государственной службы установлен принцип взаимосвязи государственной и муниципальной службы, уместно вспомнить общее правило о том, что все причастное к роду должно быть также причастно и ко всем видовым отличиям.

Согласно научным выводам К. Маркса результатом труда каждого человека в обществе является общественно полезный продукт. Следовательно, нужно задать вопрос: что является общественно полезным продуктом служебной (трудовой) деятельности государственного служащего? Ответ на него будет следующим: та самая публичная деятельность указанных лиц по обеспечению исполнения полномочий органов публичной власти и лиц, замещающих государственные должности, что подтверждает и первая статья закона о системе государственной службы.

Таким образом, надо отличать саму служебную (трудовую) деятельность за вознаграждение от ее общественно полезных результатов. Для государственной и муниципальной службы в широком смысле слова этим результатом является официальная деятельность, где должностные лица органов публичной власти и лица, наделенные отдельными публичными компетенциями, вступают в отношения с неопределенным кругом лиц, не находящихся в служебной зависимости от них, по поводу реализации властных государственных компетенций. Однако эта официальная деятельность как общественно полезный результат служебной (трудовой) деятельности не упраздняет внутренние трудовые правоотношения при прохождении государственной службы, которые необходимы для достижения этого публичного результата.

Если мы говорим, что государственная служба есть публичные правоотношения, то в этом умозаключении мы соединяем начало и конец, пропуская «тело» рассуждения о том, что трудовая деятельность государственных служащих порождает публичный результат как общественно полезный продукт их трудовой деятельности (в виде обеспечения полномочий органов публичной власти и лиц, замещающих государственные должности). Соответственно, мы получаем ложное умозаключение, так как государственная служба, то есть прохождение государственной службы, это не самостоятельный, а наемный труд.

Служебный контракт хотя и имеет публично-правовую специфику, однако сохраняет основные черты трудового права, поскольку основан на личном выполнении работы за плату и под контролем нанимателя, с подчинением правилам внутреннего служебного распорядка и обеспечением условий труда. Игнорирование этой правовой позиции и квалификация служебных отношений как сугубо административных лишают служащих гарантий, предусмотренных трудовым законодательством, что

противоречит Конвенции Международной организации труда № 151¹⁹ и позициям Конституционного Суда РФ²⁰. Публичный характер результата деятельности (обеспечение полномочий органов публичной власти и лиц, замещающих государственные должности) не отменяет частного характера самого процесса найма, поскольку если служба – чистое публичное право, то исчезает институт нанимателя (работодателя), оплата труда превращается в «содержание», а дисциплинарная ответственность – в разновидность административной.

Л. А. Чиканова также указывает на тождественность понятий «трудовая деятельность работника» и «профессиональная служебная деятельность гражданского служащего». Она констатирует, что «регулирование служебных отношений на гражданской службе осуществляется сегодня наполовину нормами Закона, переписанными из Трудового кодекса РФ, а наполовину – путем применения норм ТК РФ субсидиарно»²¹.

Таким образом, там, где используется личный физический труд за вознаграждение под контролем, управлением и в целях другого лица, с иждивением и обеспечением надлежащих условий труда, там возникает трудовое право. При этом физический труд в порядке трудового права надо ограничивать от договора подряда гражданского права, иначе будет построен еще один софизм, который все гражданские отношения по договору подряда с применением физического труда будет превращать в трудовые правоотношения.

Четвертым софизмом административного права можно считать «опубликование» всех управленческих процессов, возникающих между юридическими и физическими лицами. Утверждение о том, что каждый, кто вступает в отношения с *администрацией* учреждения или организации, тем самым вступает в *административные*, то есть публичные, правоотношения, является ложным умозаключением. Его можно именовать софизмом «администрация». Происходит ложное отождествление любого управления (администрирования) с административным правом. В данном рассуждении делается вывод на основе фонетического созвучия и сходства слов «администрация» и «административное».

Однако необходимо различать деятельность публичной администрации органа государственной или муниципальной власти по отношению к неопределенному кругу лиц в рамках отношений власти и подчинения (административное право) от

¹⁹ Конвенция МОТ № 151 «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе» от 27 июня 1978 г. введена в действие на территории России Федеральным законом РФ «О ратификации Конвенции о защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе (Конвенции № 151)» от 28 июня 2014 г. № 176-ФЗ (вступила в силу для Российской Федерации 19 сент. 2015 г.).

²⁰ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В. А. Чистякова: постановление Конституционного Суда РФ от 23 янв. 2020 г. № 4-П.

²¹ Чиканова Л. А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9.

деятельности администрации любого иного учреждения или организации (коммерческой или некоммерческой) в рамках отношений гражданского или трудового права. Администрация завода (частное право) и публичная администрация (административное право) – разные явления.

«Опубличивание» управленческих процессов может происходить и в отношениях между физическими лицами – руководителем и подчиненным по работе (службе). Если рассуждать с позиции возникновения юридического неравенства сторон, где воля одного главенствует над волей другого, можно, соответственно, прийти к выводу о возникновении административно-правового метода регулирования с его административной ответственностью. В таком алгоритме рассуждения исчезает и управленческая воля руководителя, возникающая из трудового права, и само трудовое право с его дисциплинарной ответственностью, необходимой для служебной или иной производственной деятельности ради достижения конечного результата. Локальная власть руководителя над подчиненными – это элемент трудового права, а не публичного принуждения. Административно-правовой метод возникает лишь там, где администрация выступает от имени государства и реализует властные публичные полномочия в отношении неопределенного круга лиц, не находящихся в служебной зависимости от нее или в договорных обязательствах.

Проведенный анализ позволяет выделить способы опровержения софизмов и методологию правовой квалификации отношений.

1. *Правило субъектного состава.* Требуется установить, кто является сторонами взаимодействия: работник и наниматель или неопределенный круг лиц и государство.

2. *Правило метода регулирования.* Необходимо установить, что присутствует в отношениях – равенство (договор) или власть и подчинение.

3. *Правило цели.* Важно установить, что является целью – обеспечение собственной деятельности (право на свободный труд) или внешнее публичное властное воздействие (административное право).

4. *Правило юридической фикции.* Нужно анализировать деятельность органа публичной власти (юридического лица) через призму деятельности его работников (служащих).

Основной метод борьбы с софизмами – это строгое следование отраслевым признакам правоотношений, закрепленным в законе. Исключительно важен критический анализ понятий и их определений, не допускающий подмены понятий на основе внешнего или фонетического сходства, ошибок в основании рассуждения, ошибок в способах доказательства, погрешностей в аргументации, замены понятий по типу ассоциаций.

В настоящее время есть необходимость законодательного закрепления критериев разграничения трудового и административного права в сфере государственной службы. Представляется целесообразным включить софизмы в методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов наряду с такими факторами, как юридико-лингвистическая неопределенность.

Библиографический список

- Аристотель*. Метафизика / пер. с др.-греч. А. Кубицкого. М.: АСТ, 2024.
- Аристотель*. О софистических опровержениях // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.
- Аристотель*. Вторая аналитика // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.
- Берк К.* Риторика мотивов. К философии Новой риторики / пер. с англ. С. Э. Зверева. СПб.: Алетей, 2025.
- Блейхер В. М.* Паралогическое мышление. URL: <https://ncpz.ru/lib/1/book/87/chapter/14>.
- Васильева Ю. В., Драчук М. А.* Отношения, входящие в предмет трудового права: современное состояние и необходимость изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4 (66). С. 625–644. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-625-644.
- Егорова О. А.* Рационализм и релятивизм в исследовании проблемы оснований познания в античной философии: логика и софистика // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 11. С. 128–136. DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.23.
- Краснопольская А. П.* Эпистемологический анализ софистики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2005.
- Лисанюк Е. Н.* Софистика – это не аргументация // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, № 2. С. 268–284.
- Рекош К. Х.* Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки правового дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С. 212–220. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-212-220.
- Чеснов К. В.* Конституционно-правовая институционализация системы исполнительной власти в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011.
- Чиканова Л. А.* Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

Ex jure

Информация для цитирования

Бухтоярова О. А. Софизмы административного права // Ex jure. 2026. № 2. С. 78–88. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-78-88. EDN KTDCIG

Bukhtoyarova O. A. Sophisms of Administrative Law. Ex jure. 2026. № 2. Pp. 78–88. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-78-88. EDN KTDCIG
